

1853

БИБЛИОГРАФИЯ

«ИЗ № 7 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»
О СРОДСТВЕ ЯЗЫКА СЛАВЯНСКОГО С САНСКРИТСКИМ

Составил А. Гильфердинг. Санктпетербург, 1853.
В 8-ю д. л. VI и 288 стр.¹

Г. Гильфердинг составил книгу, в которую часто будет заглядывать всякий занимающийся славянскими наречиями сравнительно с другими индоевропейскими языками. Скажем похвалу еще выше: эта книга должна быть переведена на французский или немецкий язык, потому что она заслуживает быть известною европейским филологам. Впрочем, сочинение г. Гильфердинга не нуждается в наших похвалах: лучшая похвала ему то, что Второе Отделение Академии Наук сочло его достойным помещения в своих «Известиях», потому что книга, лежащая перед нами, только отдельный оттиск из «Прибавлений» ко II тому «Известий Второго Отделения Академии Наук».

Предоставляя самим «Известиям» Второго Отделения и другим специальным изданиям специальную критику подробностей, займемся только рассмотрением метода г. Гильфердинга и общих его выводов из сравнений. Прекрасно написанное предисловие значительно облегчает труд наш. Справедливо заметив, что немецкие филологи, при сравнительном исследовании индоевропейских языков, обращают на славянский язык меньше внимания, нежели он заслуживает по своему богатству и по своей важности в системе индоевропейских языков, г. Гильфердинг продолжает:

«Пополнить несколько этот недостаток науки и языка и, приняв за средоточие исследований язык славянский, как совокупность всех славянских наречий со всем лексическим и грамматическим их богатством, указать настоящее его место в семье индоевропейской и тем самым определить его отношение к прочим языкам этой семьи: вот задача моего труда. Без сомнения, она не может быть решена окончательно, с одной стороны, по недостатку многих данных, с другой — по огромному количеству представляющихся

обработке материалов, предлагаемых частью славянскими наречиями, частью родственными им языками. Обилие и разнообразие этих материалов таково, что не было бы никакой возможности одним разом сравнить славянские языки со всеми языками индоевропейскими и определить их отношение ко всем им вместе и к каждому в особенности: вместо объяснения некоторых вопросов языковедения, мы получили бы безобразный хаос. Потому я решился разделить свой труд. В каждом отделе буду рассматривать отношение языка славянского к одному из родственных ему языков или к нескольким, составляющим одно целое.

Наука дает языку санскритскому первое место в семье индоевропейской; ибо он, сохранив в органической целостности свойства, являющиеся рассеянно в прочих ее членах, составляет, так сказать, средоточие всей этой семьи. Потому сравнение языка славянского с санскритским должно быть основою моего исследования. Оно составит первую часть его. За ним должно следовать непосредственно изучение языка литовского, который, при непосредственном сходстве с санскритским, так близок к славянскому, что недоумевашь, принять ли их за два наречия одного языка или за два языка отдельные.

Только когда определится отношение языка славянского к санскритскому, можно будет приступить к изучению отношений его к другим языкам индоевропейским. Однако и тогда мы не станем сравнивать их прямо с языком славянским, а будем, по возможности, возводить соответствующие явления рассматриваемых языков к общей коренной их форме, которую большею частью предложит нам язык санскритский. Следуя этому методу, мы узнаем, по каким путям разошлись сравниваемые языки, выделившись из первобытного единства, и каким законам они подчинились. Таким образом, исследование мое не представит общего сближения языков славянских с прочими индоевропейскими, а будет состоять из ряда монографий. В первой будут изучены языки славянский и литовский в сравнении с санскритским; во всех других будет являться, с одной стороны, язык славянский, с другой — один или несколько родственных языков, и между ними, как начало связующее, общее обоим членам сравнения, язык санскритский».

Идея г. Гильфердинга прекрасна; нельзя было выбрать лучшего пути; и с этой стороны мы с ним совершенно согласны: сличать язык славянский с одноплеменными ему языками поодиночке, начиная с санскритского — превосходная мысль. Но вслед за тем у г. Гильфердинга излагается *per anticipationem*² — общий вывод из его сравнения славянского языка с санскритским. К сожалению, с этим выводом уж никак нельзя согласиться:

«Но кроме этой причины (что санскритский язык *средоточие* всех индоевропейских языков, по превосходному выражению г. Гильфердинга), которая заставляет всякого, занимающегося сравнительным изучением языков индоевропейских, основывать свои выводы на санскритском, есть другая, частная, по которой язык этот получает особенную важность при научном исследовании языков славянского и литовского. Именно, из всех родственных языков славянский и литовский имеют наибольшее сходство с санскритским: исследование, которое мы предпримам, покажет, что наш язык гораздо ближе к древнейшему языку отдаленной Индии, чем к языкам соседних племен греческого и германского. Этого свойства мы не заметим ни в греческом языке, ни в латинском, ни в немецком, ни в кельтском, ни в албанском и придем к заключению, что, кроме общего родства между языками санскритским, славянским и литовским, какое находится между всеми языками индоевропейскими, существует между ними родство ближайшее, семейное. Вот почему сравнение славянского языка с санскритским и литовским имеет в глазах моих особенную важность».

Эту же самую мысль повторяет г. Гильфердинг в конце книги, как первый вывод из своих сравнений (стр. 285):

«Язык славянский во всех своих наречиях сохранил корни и слова, существующие в санскритском. В этом отношении близость сравненных нами языков необыкновенная. Как ни хорошо обработаны новейшими учеными прочие языки европейские, однако ни в одном из них не найдено столько слов, родственных с санскритским, сколько случилось нам открыть в славянском при первой попытке изучить сравнительно его лексический состав; и можно смело сказать, что более продолжительное и внимательное исследование, соединенное с новыми материалами, которые, без сомнения, предложены будут Ведами, а равно и некоторыми славянскими наречиями, теперь для нас недоступными, раскроет еще гораздо больше сближений, чем мне удалось здесь представить».

Далее г. Гильфердинг выражается еще резче (вывод 3):

«Язык славянский, взятый в совокупности, не отличается от санскритского никаким постоянным, органическим изменением звуков... Это свойство разделяет с ним язык литовский, тогда как все прочие индоевропейские языки подчинились разным звуковым законам, которые исключительно свойственны каждому из них в отдельности. Таким образом, в лексическом отношении языки славянский и литовский находятся в ближайшем родстве с санскритским и вместе с ним составляют в индоевропейском племени как бы отдельную семью, вне которой стоят языки персидский и западноевропейские».

В четвертом выводе представлены доказательства такого мнения:

«Это ближайшее сходство языков санскритского, литовского и славянского еще яснее доказывается тем, что в них равномерно развиты многие звуки, чуждые прочим ветвям индоевропейского племени. Таковы в особенности носовые звуки (славянские ж, љ, санскр. anusvāra с предыдущей гласною: *an, in, un*); с заменяющее коренное к (санскр. *ḥ*); ч и ж и наконец г гласная (санскр. *ḡ*, слав. *ръ*). Все эти звуки без сомнения вторичного образования, тогда как у прочих европейских народов существуют только первичные. Это показывает, что сии последние удалились из древней родины своей, когда этих звуков еще не было. Славянский же и литовский языки далее развивались вместе с тем языком, который, обособившись, получил название санскритского, и хотя по многим признакам видно, что, когда они выделились из общей семьи, образование поименованных звуков не было вполне окончено, и потом еще продолжалось у санскритской отрасли отдельно, однако оно так глубоко проникло в их состав, что успело всему их звуковому организму придать особенное сходство с санскритским».

При всем желании, не можем согласиться с мнением, доведенным до такой крайности. Что из всех языков европейской отрасли индоевропейского корня литовский самый близкий к санскритскому, это, кажется, достоверно; признано всеми и то, что славянский чрезвычайно близок к литовскому: потому превосходно намерение г. Гильфердинга заняться специально сравнением славянского с литовским. Но если г. Гильфердинг желает, чтоб наука приняла его мнение о теснейшей связи славянского и литовского

с санскритским, нежели с европейскими языками, то он должен подтвердить это мнение доказательствами гораздо более строгими, нежели те, какие находим в его книге; потому что его мнение резко противоречит прежним выводам из сравнения языков. Теперь филологи думают вот каким образом:

По степени родственности, индоевропейские языки делятся на две половины — азиатскую отрасль (санскритский, зендский, новоперсидский) и европейскую отрасль (греческий, латинский, германский, литовский, славянский); каждый язык азиатской отрасли ближе к другим языкам той же отрасли, нежели к какому бы то ни было из языков европейской отрасли, а каждый язык европейской отрасли ближе к другим языкам той же отрасли, нежели к какому бы то ни было языку азиатской отрасли, не исключая и самого санскритского, хотя в нем уцелели формы корней и флексий в наилучше сохранившемся виде; родство санскритского с европейскими языками уж не так близко, как его родство, например, с зендским. Потому Гримм в своей «Истории немецкого языка» при сличении корней довольно мало говорит о санскритском, сосредоточивая свое внимание почти исключительно на европейских языках. Г. Гильфердинг думает иначе. Пересмотрим его доказательства.

1. Носовые звуки существуют в языках санскритском, литовском, славянском; в других родственных языках нет их. Этот факт замечен и Боппом в его «Сравнительной грамматике» (стр. 7—11 и 1079); но из него не было выводимо такого заключения, какое делает г. Гильфердинг. Носовые звуки теперь существуют в немецком и французском, а между тем их нет в итальянском; неужели из этого можно вывести, что французский ближе к немецкому, чем к итальянскому?

2. *ç* заменяет коренное *k*, санскритское *ç*; но санскритское *ç* заменяется посредством *s* и в латинском, и в греческом, и в немецком (смотри таблицу соответствия звуков у Потта, *Etym. Forsch. I Theil*, стр. 82—83); особенного тут ничего не представляет славянская фонетика. Правда, в латинском, греческом и немецком *ç* заменяется не одним *s*, а также и *k*; но посредством *k* заменяется оно и в славянском, по словам самого г. Гильфердинга (стр. 161).

3. *ч* и *ж* соответствуют санскритскому *tsh* и *dsh* (заменяем в этом случае значки г. Гильфердинга правописанием Потта); но они заменяются и в новоперсидском особыми звуками — *tsh* посредством *ч*, *дж*, *в*; *dsh* посредством *з*. Такое соответствие не показывает еще более продолжительного жития вместе, а означает только одинаковую любовь к шипящим звукам, которая не развилась в греческом и латинском.

4. Гласная *г* санскрит. соответствует славян. *рѣ*. Но санскритский глухой звук является при одном *г*, потому гласная *г* действительно явление исключительное в санскритском; а славян-

ское *рѣ* вовсе не одинокое явление: в славянском глухой гласный звук является при всех согласных — бѣдѣти, вѣнѣ, гѣбенеје и т. д. Потому значение *рѣ* не то в славянском, как гласной *г* в санскритском.

На подобных двух-трех сходных явлениях нельзя основываться. И в греческом, и в латинском, и в немецком найдется много таких случаев особенного сходства с санскритским. Нужно показать, что вся система славянской фонетики особенно близка к фонетике санскритской, если хотим доказать особенную близость санскритского и славянского.

Так и говорит г. Гильфердинг, утверждая, что, за исключением нескольких звуков, составляющих исключительную принадлежность санскритского, «мы получим в двух сравниваемых языках (славянском и санскритском) систему звуков, почти одинаковую» (стр. 11). Чтоб наше доказательство противного не было слишком длинно, ограничимся одним вокализмом.

Но прежде нам должно сказать, что г. Гильфердинг представляет и общее доказательство близости славянского к санскритскому, именно, что в славянском языке нет ни одного случая органического изменения звуков, между тем как во всех других языках звуки санскритские подвергаются органическим изменениям (см. нашу выписку). Против этого положения должно сказать, что если г. Гильфердинг считает органическим изменением в греческом исчезновение полугласных *j* и *v* между двумя гласными, то органическим же изменением должно считать и постоянное йотирование в славянском гласных, стоящих в начале слога. Таким же органическим изменением должно считаться и смягчение согласных: вместо коренного *нэ* в славянском делается *не* (церков.-славянск. *ni-э*), вместо коренного *лэ* — *ле* (церк.-слав. *li-э*) и т. д. Доказывать, что это смягчение различно от перехода санскритских согласных из одного разряда в другой, мы считаем ненужным.

Посмотрим же, до какой степени наш вокализм близок к вокализму санскритскому, в котором отличительная черта — решительное преобладание (по количеству) слогов с первобытными гласными *a*, *u*, *y* над слогами с гласными позднейшими и дьогласными. Берем древнейшее, ближайшее к санскритскому славянское наречие — церковнославянский язык.

Прежде всего раскрываем Остромирово Евангелие и пересчитываем число разных гласных в первом чтении («В начале, по Остр. Ев., искони бѣ слово»). Поправляя несколько описок переписчика для восстановления церковнославянского вокализма во всей чистоте и исключая иноязычные слова (напр., *Юанъ*), не принадлежащие нашей фонетике, получаем в первом чтении всех слогов или всех гласных 411; в том числе *a* 39, *u* 67, *y* 5 (считая йотированные гласные за одно с нейотированными); всего первобытных гласных — 111.

е — 39; о — 74; всего гласных вторичного образования, общих почти всем языкам, — 113;

ъ — 62; ь — 42; всего глухих гласных 104;

ѣ — 41; ѣ — 17; всего специально-славянских чистых гласных позднейшего образования 58;

ѧ — 17; ѧ — 8; всего носовых гласных 25.

Таким образом, первобытные гласные удержали за собою в церковнославянском только четвертую часть слогов.

Не говорим о том, что готский вокализм гораздо ближе к санскритскому в этом отношении; посмотрим еще на латинский вокализм и, для избежания упрека в произвольности, берем первые строки первой цicerоновой речи (pro P. Quinctio: Quae res... pertimesco). В 109 первых слогах находим:

а — 18; і — 29; и — 8; всего первобытных гласных 55

е — 27; о — 23; œ — 4; всего гласных вторичного образования и дwoегласных 54.

В латинском вокализме первобытные гласные занимают половину слогов; в церковнославянском — только одну четверть: латинский вокализм гораздо ближе к санскритскому, нежели славянский.

Г. Гильфердинг может возразить нам: я говорю о корнях, вы принимаете в счет и флексии; во флексиях первобытные гласные исчезли, в корнях сохранились. В ответ берем Radices Миклошича («Корнеслов церковнославянского языка») и считаем гласные в корнях на буквы б, в, г, д.

Всех гласных в этих корнях 286. Из них:

А — 51; И — 21; У — 18; всего первобытных гласных 90 — только третья часть. Несколько больше сохранились гласные первобытные в корнях, нежели во флексиях, это правда; но все-таки сохранились они довольно плохо. Число санскритских корней с гласными вторичного образования совершенно ничтожно перед числом корней с а, и, у.

Итак, пока не представит г. Гильфердинг более убедительных доказательств, наука не может принять его мнения, и остается непоколебимым результатом, выведенный немецкими филологами из их сравнений и высказанный Гриммом так: «Немцы, славяне и литовцы должны были оставаться долго вместе по отделении своем от остальных народов индоевропейского племени; но в некоторых случаях славянский язык в теснейшей связи с греческим» («История немецкого языка», стран. 14). Мы должны продолжать думать, как думали до появления книги г. Гильфердинга: ближайшая связь у славянского и литовского языков — с немецким; более отдаленная — с греческим; еще дальше родство его с латинским. С санскритским языком расстались все европейские языки гораздо прежде, нежели совершенно отделились друг от друга, и потому далеко отошли от него; но он чрезвычайно важен для объяснения корней и флексий этих языков, далеко не

похожих на него, потому что обыкновенно в гораздо большей, нежели они, первообразности сохранил он смысл и форму корней и флексий.

Переходим теперь к рассмотрению метода г. Гильфердинга, предоставляя критику частных его выводов специальным трудам.

Прекрасна его идея сравнивать славянский язык поочередно сначала с одним, потом с другим языком, а не со всеми вдруг индоевропейскими языками, чтоб не запутаться в хаосе от изобилия материалов. Нам кажется, что книга его была бы еще лучше, если б он с такой же осторожностью ограничил и другой элемент своего сравнения — славянский язык, как ограничил один, выбрав изо всей массы родственных языков санскритский. И самые сравнения и выводы его из этих сравнений приобрели бы гораздо большую степень достоверности, если б он ограничился только несомненно древними и несомненно славянскими корнями, то есть взял бы за основание своих сравнений не прямо все богатство лексиконов всех славянских наречий, а одни только те корни, которые находятся или в церковнославянском языке, или, если не находятся в нем, то существуют в нескольких славянских наречиях. Нам кажется, что, желая подыскать как можно более славянских слов, сходных с санскритскими, и для того вводя в круг своих сравнений все слова, употребляемые славянами, он был иногда вовлекаем в ошибки чрезвычайным богатством своего материала, слишком еще мало разработанного.

Ограничимся немногими примерами.

Амбар он производит (стр. 13) от санскр. *ambarjâmi*, коплю, собираю. Но *амбар* (правильнее *анбар*) — чисто арабское слово, перешедшее к нам от татар, подобно словам сходного значения «казна» и «сундук». *Якшаться*, которое отмечено в «Областном Словаре»³ как вологодское, но которое употребляется на всем востоке России, производит он от санскр. *jaksh*, чтить (стр. 39): оно происходит от татарского «якши», хороший, друг. Подобных слов арабско-татарского происхождения много возведено г. Гильфердингом к санскритским корням. Великорусские областные говоры, особенно говоры восточных провинций, приняли много таких слов, и г. Гильфердинг не всегда их остерегался.

Желание найти сходство между славянским и санскритским словом часто не оставляет автору времени определить истинный корень слова. Так, болгарское слово *до-суишь*, «совершенно», он относит (стр. 32) к санскритскому *śusa*, сила, между тем как оно происходит от прилагательного «сухой» (досуха, до дна), а не от какого-нибудь особенного корня. Так же точно сибирское «шатость», «измена», относит он (стр. 37) к корню *śath*, обманывать, между тем как оно произведено от глагола «шатать, шататься» (непостоянство, шаткость в слове). «Дыльница», арханг. слово = подойник, сравнено им с санскр. *dguni*, ведро (стр. 94), между тем

как оно происходит от корня «доить» (= доильница, он = ы, как в «пымать» вм. поймать).

Вообще должно заметить, что г. Гильфердинг очень часто останавливается на готовой форме слова, нередко испорченной, не отыскивая корня его. Часто бывает он слишком смел в своих сравнениях. Нам кажется, что беспристрастные знатоки дела согласятся с нами и в том, что желание как можно более сблизить славянский язык с санскритским заставляет г. Гильфердинга часто прибегать к натяжкам. Скажем, наконец, что по просмотре книги г. Гильфердинга невольно рождается мысль, что он писал ее не столько с целью исследовать, до какой степени славянский язык близок к санскритскому, сколько с целью доказать, что славянский необыкновенно близок, ближе, нежели все другие индоевропейские языки, к санскритскому.

Мы высказали свое мнение о слабых сторонах сочинения г. Гильфердинга; выскажем и свое общее о нем мнение. Но прежде изложим содержание книги. Г. Гильфердинг не касается грамматики: он ограничивается фонетикою и сравнением слов. Прежде всего представляет он список слов, совершенно одинаковых по звукам и в славянском, и в санскритском; потом рассматривает правильные и неправильные переходы одних санскритских звуков в другие сходные славянские звуки. Каждый из отдельных сравнивающих списков сопровождается общими относящимися к нему объяснениями, выводами и замечаниями.

Сочинение г. Гильфердинга свидетельствует прежде всего о чрезвычайной любви его к своему предмету, которая одна могла заставить его с такою ревностью заботиться о всевозможной полноте материалов: он успел вполне воспользоваться для своих сравнений даже «Областным Словарем», который напечатан всего за несколько месяцев до появления его книги; мало того, он воспользовался даже теми материалами, которые, по недавности присылки их в Петербург, еще не вошли ни в какое издание Академии и Географического Общества. Не боимся ошибиться, если скажем, что до последней корректуры продолжал он пополнять свои списки... Наука может рассчитывать на такого добросовестного деятеля.

Как полно воспользовался г. Гильфердинг всеми материалами для славянской части своих списков, так же хорошо изучил он и сочинения западных филологов, так что стоит совершенно наравне с современным положением науки. Потому с ним иногда можно не соглашаться, но нельзя не уважать его дельного, добросовестного труда, которого продолжение принесет несомненную пользу индоевропейской филологии.